

УДК 821.161.1-1.Ширяев«20»

Фокина Светлана

кандидат филологических наук, доцент
кафедра мировой литературы
Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова,
Французский бульвар, 24/26, 65058, г. Одесса, Украина.
svetlana_fokina@ukr.net

**ДИАЛОГ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ И ТЕКСТА –
КОНТЕКСТА – ИНТЕРТЕКСТА В СТИХОТВОРЕНИИ
А. ШИРЯЕВА «ТЫ НАЧИНАЕШЬСЯ ИЗ ТЕМНОТЫ...»**

В статье представлено изучение поэтической идентичности современного поэта Андрея Ширяева. Осмыслен диалог авторского сознания поэта с контекстными и интертекстуальными модусами поэтического текста. Проведен поливалентный анализ стихотворения «Ты начинаешься из темноты...». Выявлены маркеры авторского сознания во взаимодействии славянского и европейского контекстов. Прослежены процессы семиотизации страстей авторским сознанием поэта в их полифоническом единстве с различными интертекстами, мифологемами, культурными кодами.

Ключевые слова: авторское сознание, интертекст, контекст, семиотизация страстей, культурные коды, А. Ширяев.

Постановка проблемы мотивирована рядом факторов. Интересом современного литературоведения к изучению поэзии XXI века. Вниманием филологической мысли к доминантам авторского сознания и текстоцентрическим стратегиям в их взаимовлиянии как на классику, так и на становление литературной ситуации на данном этапе. Важностью рецепции диалога между различными авторскими, культурными и текстообразовательными кодами.

Изученность вопроса. Наследие Андрея Ширяева относится к значимым и самобытным литературным явлениям. Произведения поэта, будучи до сих пор малоизученными, несомненно, открывают широкий потенциал для применения различных интерпретационных техник. Одним из адекватных материалу подходов можно расценивать осмысление своеобразия лирики А. Ширяева в плане выявления культурных и интертекстуальных пластов во взаимодействии с авторскими кодами поэта.

Цель данной статьи – осмыслить диалогическую обусловленность показателей авторского сознания, контекста и интертекстов для понимания полифоничности авторского мира А. Ширяева, на примере одного из приоритетных для анализа произведений поэта.

Стихотворение А. Ширяева «Ты начинаешься из темноты...» при первом прочтении можно принять за лирическое послание с соответствующими адресацией и эротическими кодами. Но образная система данного ширяевского

поэтического текста способствует выявлению аллюзивных слоев, соотносимых с различными авторскими и культурными мифологемами, создающих лирико-полифоническое единство.

*Ты начинаешься из темноты,
из белого, из шелеста и свиста –
так многие приходят в мир, но ты
от быстрых нот и быстрой крови Листа*

*над клавишами вызревших полей
глядишь, как будто ищешь оправданья;
иди ко мне, иди и уцелей
в потоке восходящего дыханья,*

*в полёте мимо храмов и мостов,
где, как в кино – замедленно и узко –
взмывает в перекрестиях крестов
девятый вал Андреевского спуска*

*и падает. И не попросишь лучшей
судьбы, и город ляжет на ладонь,
мы снова вместе – глина и огонь –
коснись меня, смотри со мной и слушай:*

*седой сверчок, молящийся тайком
светилу, закипевшему в зените,
поёт – и то ли ноты, то ли нити
вытягивает тёмным тенорком... [9]*

Характерно обращение к возлюбленной, единение с которой оборачивается познанием ее духовной и телесной природы, равным приобщению к постижению основ мира. Женский образ получает ряд смысловых оттенков, которые при каждой новой идентификации, усложняясь, наделяют адресата архетипическими чертами.

При обширнейшей традиции любовно-эротической лирики образная система начала стихотворения А. Ширяева, очерчивая тип отношений, способствует возникновению ассоциации с бодлеровским лирическим посланием «Спрячь когти, кошечка; сюда ко мне на грудь ...». Намеки на пассионарную, двойственную и в то же время демоническую природу героини подкрепляют значимость вышеуказанного интертекста.

У Ш. Бодлера та, кого призывал лирический герой, идентифицировалась и с кошкой, и с реальной подругой поэта, предстающей в поэтическом мире «соблазнительницей, совратительницей, ощущающей в себе “живущего зве-

ря”» [6]. Так героиня бодлеровської лірики в двойственності своєобразного оборотництва обретає демонічні риси. В поетическому тексті А. Ширяєва при уподобленості ситуацій принципіально інші акценти, відповідні маркерам свідомості сучасного поета.

Образ возлюбленої ліричного героя в ширяєвському тексті виявляється, видимо, свідомо чітко не виписаний. Немає рис її ліричного портрета, не названа вона по імені, навіть поетически умовно. Автором акцентовано тільки те, що її жіноча сутність нерозривно пов'язана з певним звуковим рисунком, діапазон якого дан на початку тексту:

*Ты начинаешься из темноты,
из белого, из шелеста и свиста –
так многие приходят в мир, но ты
от быстрых нот и быстрой крови Листа...*

Ширяєвська героиня ізначально ідентифікується з допомогою ряду наміток з демоніцею, але по ходу розвитку ліричного сюжету приписувана їй інферналізація, в певному сенсі, якщо не опровергається, то явно змінює свій звичайний статус.

Домінантами природи адресата виступають наступні характеристики: *темнота, шелест і свист*. Показательно, що свист згідно слов'янським уявленням «входить в сукупність “неправильних”, “нечистивих” дій, що складають ліву частину опозицій *языческий – христианский, грешный – праведный*» [2, 295]. Більше того, «свист в простонародді називався “подражанием чертям”» [2, 295]. Але при явній взаємозв'язі різких звуків, в частині свиста, зі слов'янськими уявленнями про вторгнення в людський світ нечистої сили, акцентування емоційної важливості, навіть інтимності, випадкових нічних звуків, може мати і передсказальні функції.

Слов'янські повір'я зберегли пам'ять про ритуалі гадання по звукам. По спостереженню Л. Виноградової, «в тих випадках, коли партнер по комунікації не осмислювався настільки явним чином як належний до ряду персонажів нечистої сили, всі рівно будь-які звуки (голос тварин, шум, дзвін) воспринимались як особливий “язык” потустороннього пророка, що надіслав своє повідомлення на запит гадаючого» [1, 313]. Характерно, що гадання також етимологічно зберігає ряд слов'янських конотацій. Для А. Ширяєва, ймовірно, важливо не тільки демонічна складова жіночого образу, але й акцентування її екстатичності, що підразумеє страстність і зв'язок з язичцтвом.

В ширяєвському тексті коди авторського свідомості задають взаємодію і переосмислення різних європейських традицій – від Античності до модерністських пошуків, з не менш різноманітним і під час прихованим і несподіваним слов'янським контекстом. Об'єднуючими ланками європейських і слов'янських

коннотаций в лирическом послании А. Ширяева выступают взаимосвязанные процессы семиотизации страстей и звуков.

В данном плане характерно замечание Т. Цивьян, что человек «не безразличен к звукам мира: осваивая его и осваиваясь в нем, он производит семиотизацию звукового пейзажа, т. е. отбор и содержательную интерпретацию природных звуков. На этом, как известно, основан целый класс гаданий, предсказаний, примет, ср. античные оракулы: Зевсов гром, журчание ручья и шелест священного дуба в Додоне, жужжание пчел и т. д.» [7, 24]. Опираясь на мысль Т. Цивьян, можно предположить следующее. Подобная семиотизация авторским сознанием поэта звукового пейзажа или же портрета, если звуки связываются с определенными персоналиями, то отражает не только культурные или этнические реалии, но и эксплицируют глубоко личные эмоции и страсти интерпретатора, в данном случае автора стихотворения.

Для цитируемого лирического послания А. Ширяева вообще показательно, что именно звуки маркируют своего рода семиотизацию страстей, причем страстей потаенных, реализующихся в ночном бдении, переходящем в состояние экстаза. Но основной источник страсти, возможности внутреннего погружения и обусловленной этим инспирации, именно чувство, испытываемое лирическим героем. Страсть единения оборачивается зарождением сокровенного, будь оно проявлено в эротическом плане, как самоуглубление или же озарение.

Восстанавливая античные коды анализируемого текста, следует вспомнить, что А. Ширяев не раз обращался к Древнеримской культуре и даже мистифицировал перевод с латыни стихов вымышленного им Марка Корнелия Эхиона. Несомненно, в творчестве современного поэта античные коды и их разнообразные парафразы занимают важное место. Знание античных примет и их предсказательный потенциал позволяет развернуть А. Ширяеву метафору сотворения музы-возлюбленной из обыденных и даже неприятных звуков. Этот аспект открывает не только путь для демонизации женского образа, но и возможность для автора более глубокой укорененности в Античность.

Если искать античный след, то во многом переживания лирического героя от встречи окажутся парадоксально сближенными с действием голосов сирен на услышавших их моряков.

Современный немецкий философ П. Слотердаик, осмысляя в одной из глав своей книги загадочную природу сирен, отмечает, «голоса сирен порождают звуковой вихрь, застающий врасплох и обезоруживающий <...> бороться с такими чарующими звуками, еще не удавалось никому» [5, 500]. При этом П. Слотердаик подчеркивает, что пение сирен нельзя назвать мелодично-очаровывающим и если его звучание реконструировать, то оно будет пронзительным, резким и даже неприятным. С точки зрения немецкого философа эффект сирен осуществляется именно «посредством своего рода отталкивающей неумолимости, она до изнеможения преследовала слушателя – магически-сверхартикулированная,

мучительно ритмичная и неослабно-настойчивая...» [5, 511]. Но при гибельности и даже удивительной завораживающей мучительности голосов сирен, слышать их «означает слышать самого себя» [5, 515]. Соблазн, исходящий от сирен, заключается в их посредничестве между миром живых и теней, а их песнь оказывает гипнотическое влияние из-за того, что даруют «ощущение наступления момента полной самореализации...» [5, 516], которое может быть достигнуто лишь по завершении земного бытия. Воображаемая демоничность возлюбленной наравне с ее музыкальной ипостасью в ширяевском стихотворении позволяет выявить в ее образе нечто подобное тому, что П. Слотердайк обозначает как *эффект сирен*.

Совмещение славянской и античной трактовок семиотики резких звуков и их профетический потенциал, с учетом аспекта авторского сознания А. Ширяева интерпретируются как зарождение страсти, визии, вдохновения.

Надо полагать, что для А. Ширяева уподобление звуков, порождающих образ подруги, голосам сирен и их роковой, завораживающей силе становится одним из путей акцентирования темы музыкальности и вместе с тем семиотизации страстей. Трансформация античных представлений, видимо, для А. Ширяева – возможность самопознания и наделения в игровом ключе своего поэтического слова профетической и перформативной функциями.

Дальнейшее уточнение «*так многие приходят в этот мир*» способствует модификации читательских ожиданий и природа возлюбленной начинает соотноситься с зарождающейся идеей, или же музой, что подтверждают строки «...но ты / от быстрых нот и быстрой крови Листа...». Упоминание Ф. Листа акцентирует не только авторскую интерпретацию А. Ширяевым музыкальной мифологии, но и становится одной из доминант лирического сюжета и авторской символики.

Музыка Ференца Листа ассоциируется с интенсивностью лирической эмоции, отсутствием плавности и предельной виртуозностью. Своеобразие музыки Ф. Листа как композитора и его исполнительской манеры пианиста-виртуоза соответствуют метафорическому описанию женского характера в ширяевском тексте. Показательно, что в тексте А. Ширяева созданный культурой миф о Ф. Листе фиксируется не только на уровне восприятия его музыки, но и в родовом аспекте («от <...> быстрой крови Листа»). Так музыкальная ипостась расширяется до знака не только наследуемой страсти, но и судьбоносной, генетической предрешенности.

Если изначально ночные звуки, подчеркивают вымороченность своего рода анимы лирического героя, то отождествление ее природы с нотами и кровью Ф. Листа преобразует ситуацию. Музыка Ф. Листа вводит тему воспарения «над клавишами вызревших полей», с локусом которых, неразрывно связана персоналия-адресат лирического послания. Тема полей задает указание на Элизиум, с благословенностью которого демоническая подруга связана в большей степени, чем с кажущейся бесовской ипостасью. Такой поворот определя-

ет своеобразное очищение от изначальной inferнальной роли: *«глядишь, как будто ищешь оправданья»*, позволяя разрушить стереотипичность ожиданий и акцентировать тему не разрушительной роковой страсти, а реализации тайно и неистово желанного, запредельного.

Отсылка к топосу античных Елисейских полей вносит в подтекст стихотворения обыгрывание мифа об Орфее и Эвридике. По поэтической логике А. Ширяева принадлежность после смерти Эвридики иному миру и утрата ее Орфеем, могут быть, в отличие от древнегреческого мифа, преодолены именно Музыкой.

Познание возлюбленной и как женщины, и как личности, оборачивается осознанием собственной сущности, растворенной в мире, и концентрируемой не только в ряде музыкальных ипостасей, но и в созерцании города. Для поэтического мира А. Ширяева характерно следование антично-библейской традиции при обыгрывании мифологеми женщины-города. Но в данном стихотворении город и женский образ не объединяются. Важнее тема совместного полета, порождающего ряд ассоциаций, актуализирующих как демонический план, так и возвышенный. Если полет расценивать проявлением ведьмовского начала в героине и ее колдовской власти над поэтом, то тему совместного парения над городом можно интерпретировать как принципиальную лиризацию соответствующей сцены из гоголевского «Вия». Тема любви, наделяющей возможностью летать, также в качестве протосюжета отсылает к мифу об Амуре и Психеи. Примечательно, что в изобразительной традиции оба супруга крылаты. Более того, полет-греза влюбленных может иметь и более конкретное экфрасическое наполнение, обыгрывая сюжет и символику картины М. Шагала «Над городом» (1914–1918).

Упомянутая в стихотворении топонимика задает ряд авторских кодов, которые можно конкретизировать как: 1) обращение к особой онерической кинореальности, 2) своеобразную модель культурного ландшафта, 3) фиксацию топоса, который позволяет точно восстановить черты города, возникающего в грёзе лирического героя.

Упоминание Андреевского спуска локализует образ города и соответствующую киевскую топонимику. Такой поворот развития лирического сюжета в определенной степени неожидан. Киев не родной город А. Ширяева, родившегося в Казахстане. Не связан поэт, окончивший Московский Литературный институт имени А. М. Горького и бывший членом Союза писателей Москвы, с украинской столицей и студенческими воспоминаниями. Более того, местом его иммиграции становится латиноамериканский Эквадор. Так почему же А. Ширяев в своем стихотворении явно обыгрывает киевские реалии: *«в полёте мимо храмов и мостов / где, как в кино – замедленно и узко / вздымает в перекрестиях крестов / Девятый вал Андреевского спуска»?*

Ответ, возможно, кроется в «семиотической карте» Киева. И. И. Сверида утверждает, что «маркируя конкретную локализацию культурных явле-

ний» [4, 36] определенными кодами неизменно фиксируется значимость «взаимосвязи исторических и культурных процессов с самим природным пространством, присущими ему ареальными и региональными особенностями» [4, 36]. С одной стороны, в топониме Андреевский спуск обыгрывается имя поэта – Андрей, что, несомненно, для А. Ширяева оказывается знаком глубоко личного. Также возможно, именно тема полета с полудемонической возлюбленной и способствует выбору данного локуса. Как известно в Киеве на Андреевском спуске находится мемориальный музей М. Булгакова. Такое истолкование позволяет активизировать булгаковские ассоциативные пласты в подтексте поэтического текста А. Ширяева. Упоминание Андреевского спуска – места «храмов и мостов», обыгрывает как тему святости, так и пограничности – соединения и перехода между мирами, позволяет вступить поэту в творческий диалог с наследием М. Булгакова, биографическими фактами и созданным писателем мифом. Более того, тот факт, что родной дом М. Булгакова находится по адресу, обыгрывающему имя Андрей, видимо, становится для А. Ширяева – поэта и писателя фантаста, своеобразным знаком преемственности. Демоничность образа возлюбленной в ширяевском стихотворении, сближается с ипостасью булгаковской Маргариты, а лирический герой в игровом ключе уравнивается Мастеру.

А. Ширяева также объединяет с ментальными стратегиями М. Булгакова и стремление воссоздать образ Города. При этом в стихотворении булгаковские пласты не становятся доминирующими, а вплетаясь в создаваемую А. Ширяевым визию, оттесняются эротическими кодами любовного послания. Полет завершается прикосновением, слиянием («мы снова вместе – глина и огонь...») и обретением особого слуха.

Полет-греза по поэтической логике А. Ширяева ассоциируется с движением кинокадров («как в кино – замедленно и узко»), символизируя, сродни шагаловскому сюжету, воплощение наяву иного, фантазийного и почти ирреального бытия.

Столь же преображенным и значимым представляется и образ сверчка – певца и музыканта, который выводит «ноты-нити», связывающие основы мироздания, словно воссоздавая мир из ночи, подобно тому, как в античной мифологии космос рождается из хаоса. Образ сверчка отсылает к теме домашнего очага и уюта. В энциклопедии символов отмечается, что сверчок помимо уже указанных традиционных значений «символизирует лето, храбрость (устраивались даже бои между сверчками), а также возрождение...» [3, 799]. В ширяевском поэтическом тексте образ сверчка актуализирует ряд интертекстуальных отсылок, обыгрывающих тему: от диккенсовского «Сверчка за печкой» до коллодиевской истории Пиноккио, где именно сверчок должен стать персонификацией совести героя.

В этой ипостаси сверчок сближается с ломоносовским кузнечиком:

*Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
<...>
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучшиє, ты бесплотен!*

Так сверчок не только становится ширяевским «зеркалом» – своего рода парафразом ломаносовского кузнечика-ангела, но и обретает античную ипостась. Музыкальный контекст в свою очередь наделяет сверчка пророческой и космогонической функциями. Нити же вызывают устойчивую ассоциацию с Мойрами, прядущими нить судьбы.

Кроме того, для античной культуры были характерны животные-дублиеты богов или же героев. По замечанию Г. Шегуловой, «... образ птицы следовало бы рассматривать как *зооморфный дублет героя* (вспомним сову Афины, орла Зевса и т. п.)» [8, 60]. Сверчок в ширяевском тексте не только источник ночных звуков, обретающих музыкальные и космические ипостаси, но своеобразное зооморфное альтер эго лирического героя.

Ассоциативный ряд расширяет смысл известной пословицы «всяк сверчок знай свой шесток». Ведь именно сверчок в ширяевском стихотворении восстанавливает «тёмным тенорком» основы мира, делая его гармоничным и преображенным музыкой, подобно решению музыкальной темы в «Волшебной флейте» В. Моцарта.

Для ширяевского поэтического текста характерна тематическая музыкальность, именно ноты способны не только одухотворить личный мир поэта, но и даровать ему особую судьбу.

Музыкой оборачиваются случайные ночные звуки: шелест и свист, из которых является возлюбленная. В то же время от «нот Листа», видимо, в данном контексте выступающих в качестве эмблемы страстности, зарождается образ музы лирического героя, слияние с которой оборачивается ночным полетом над Городом. Именно музыкальный контекст наиболее ярко эксплицирует в тексте коды авторского сознания поэта и связывается с возможностью обретения смысла, поэтического вдохновения, любви, воспарения.

Ширяевский лирический герой в своем полете с возлюбленной над городом балансирует между жизнью и смертью, обретая символическое бессмертие, которое становится наградой за умение услышать музыкальность, колдовские и одновременно космические потенции каждого звука, вплетающегося в исповедь переживаемой страсти.

Взаимодействие широкого европейского и славянского контекстов позволяет А. Ширяеву осуществлять в рамках своего стихотворения семиотизацию страстей и звуков, актуализируя ряд смысловых сцеплений, порождающих утверждение единства мужского/женского, демонического/возвышенного, музыкального/космогонического и др.

Список использованной литературы

1. Виноградова Л. Н. Гадания по звукам / Л. Н. Виноградова // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М. : Индрик, 1999. – С. 311–319.
2. Плотникова А. А. О символике свиста / А. А. Плотникова // Мир звучащий и молчащий : Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян / [отв. ред. С. М. Толстая]. – М. : Индрик, 1999. – С. 295–304.
3. Рошаль В. М. Сверчок / В. М. Рошаль // Энциклопедия символов / [сост. В. М. Рошаль]. – М. : АСТ; СПб. : Сова, 2008. – С. 799.
4. Свирида И. И. Ландшафт в культуре как пространство, образ и метафора / И. И. Свирида // Ландшафты культуры. Славянский мир / [отв. ред. И. И. Свирида]. – М. : Прогресс-Традиция, 2007. – С. 11–42.
5. Слотердаjk П. Гл. 7. Стадия сирен. О первом аудиосферическом альянсе / П. Слотердаjk // Сферы. Микросферология. – Т. 1. : Пузыри. – СПб. : Наука, 2005. – С. 492–553.
6. Сподарец Н. В. К проблеме художественной концептуализации феномена человека в лирике Ш. Бодлера и А. Блока [Электронный ресурс] / Н. В. Сподарец. – Режим доступа к ист. : http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf
7. Цивьян Т. В. Музыкальные инструменты как источник мифологической реконструкции / Т. В. Цивьян // Язык : тема и вариации : избранное : в 2 кн. – Кн. 2. : Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика. – М. : Наука, 2008. – С. 24–38.
8. Шегулова Г. Н. Женщина-птица: к семантике образа в драме И. Анненского «Фамара-кифарэд» / Г. Н. Шегулова // Бестиарий в словесности и в изобразительном искусстве [сб. статей]. – М. : Intrada, 2012. – С. 60–66.
9. Ширяев А. Мастер зеркал – поэзия и проза [Электронный ресурс] / А. Ширяев. – Режим доступа: <http://www.shiryayev.com>.

Фокіна С.О.

Одеський національний університет ім. І. І. Мечникова
кафедра світової літератури

ДИАЛОГ АВТОРСЬКОЇ СВІДОМОСТІ ТА ТЕКСТУ – КОНТЕКСТУ – ІНТЕРТЕКСТУ У ВІРШІ А. ШИРЯЄВА «ТИ ПОЧИНАЄШСЯ З ТЕМРЯВИ...»

У статті представлено вивчення поетичної ідентичності сучасного поета Андрія Ширяєва. Осмислений діалог авторської свідомості поета з контекстними та інтертекстуальними модусами поетичного тексту. Проведено полівалентний аналіз вірша «Ти починаєшся з темряви...». Виявлені маркери авторської свідомості у взаємодії слов'янського та європейського контекстів. Простежені процеси семіотизації пристрастей авторською свідомістю поета в їх поліфонічній єдності з різними інтертекстами, міфологемами, культурними кодами.

Ключові слова: авторська свідомість, інтертекст, контекст, семіотизація пристрастей, культурні коди, А. Ширяєв.

Fokina S.A.

Odessa I. I. Mechnikov National University,
department of World Literature

DIALOGUE OF AUTHOR'S CONSCIOUSNESS AND TEXT – CONTEXT – INTERTEXTUALITY IN A. SHIRYAEV'S POEM «YOU BEGIN FROM DARKNESS...»

In the article research search is directed on the studying of poetic identity of the modern poet Andrey Shiryayev. This work analyzes dialogue of authorial consciousness of the poet with contextual and intertextual modes of the poetic text. In this

article are explaining interaction of markers of authorial consciousness and Slavic and European contexts.

Relevance of the chosen problem is caused by interest of today's literary science in the comprehension of originality of 21st century lyric poetry. The point of view to new personnel of the Russian and world poetry promotes versatile application of scientific searches of modern analytics.

Specifying the research question. *Andrey Shiryaev's heritage belongs to the significant and original literary phenomena. Works of the poet are studied still not enough, but undoubtedly open the wide potential for application of different analysis methods and interpretation techniques.*

One of approaches adequate to material is the analysis of indicators of an originality of lyric poetry by A. Shiryaev in respect of identification of cultural and intertextual layers in interaction with author's codes of the poet.

The purpose of this article is restoration of a wide cultural context, both Slavic and European, for understanding of polyphony of Shiryaev's authorial consciousness on the example of one of priority for an analysis works of poet.

In the article is submitted the polyvalent analysis of the poem by A. Shiryaev «You Begin from Darkness...». In the course of research have been revealed intertextuality, mythemes, cultural and author's codes in semantic structure of the poem. Scientific search has allowed to track processes of a semiotization of passions author's consciousness of the poet taking into account interaction of wide European and Slavic contexts.

Keywords: *authorial consciousness, context, intertextuality, semiotization of passions, cultural codes, A. Shiryaev.*

REFERENCES

1. Vinogradova, L. N. (1999), "Fortune-telling on sounds" – Mir zvuchashhij i molchashhij : Semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavjan [The world which is sounding and silent : Semiotics of a sound and the speech in traditional culture of Slavs], Indrik, Moscow, pp. 311–319 [in Russian].
2. Plotnikova, A. A. (1999), "About whistle symbolics" – Mir zvuchashhij i molchashhij : Semiotika zvuka i rechi v tradicionnoj kul'ture slavjan [The world which is sounding and silent : Semiotics of a sound and the speech in traditional culture of Slavs], Indrik, Moscow, pp. 295–304 [in Russian].
3. Roshal', V. M. (2008), "Cricket", Jenciklopedija simbolov [Encyclopedia of symbols], AST, Moscow; Sova, St. Petersburg, pp. 799 [in Russian].
4. Svirida, I. I. (2007), "Landscape in culture as space, an image and a metaphor", Landshafty kul'tury. Slavjanskij mir [Culture landscapes. Slavic world], Progress-Tradicija, Moscow, pp. 11–42 [in Russian].
5. Sloterdajk, P. (2005), Chapter 7. "Stage of sirens. About the first audiospherical alliance", Sfery. Mikrosferologija [Spheres. Microspherology], Nauka, St. Petersburg, vol. 1. : Puzyri [Bubbles], pp. 492–553 [in Russian].
6. Spodarec, N. V. (2012), "To a problem of art conceptualization of a phenomenon of the person in lyrics Ch. Baudelaire and A. Blok", available at: http://journals.uspu.ru/attachments/article/84/Vest_2012_1_1.pdf [in Russian].
7. Civ'jan, T. V. (2008), "Musical instruments as source of mythological reconstruction", Jazyk : tema i variacii : izbrannoe : v 2 kn. [Language : subject and variations : chosen works : in 2 books], Nauka, Moscow, pp. 24–38 [in Russian].
8. Shegulova, G. N. (2012), "Female bird: to semantics of an image in I. Annensky's drama «Famara-kifared»"- Bestiarij v slovesnosti i v izobrazitel'nom iskusstve [Bestiary in literature and in the fine arts], Intrada, Moscow, pp. 60–66 [in Russian].
9. Shirjaev, A. Master zerkal – poezija i proza [The master of mirrors – poetry and prose], available at: <http://www.shiryaev.com/> [in Russian].

Статтю подано до редколегії 7 червня 2016 р.